

УДК 167.1.

DOI: 10.17223/1998863X/46/11

Л.А. Тухватулина

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: СЛУЧАЙ «ПРАВА И ЭКОНОМИКИ»¹

Анализируются некоторые аспекты формирования и развития междисциплинарных связей между правоведением и экономической наукой. Автор полагает, что внешним стимулом к формированию междисциплинарного направления «право и экономика» является высокая заинтересованность современного общества в выработке практикоориентированного (экспертного) социального знания, которое может быть использовано как средство политического реформирования. Автор полагает, что именно междисциплинарное взаимодействие является неперенным условием формирования такого рода знания.

Ключевые слова: междисциплинарность, экспертиза, право и экономика, социальная эпистемология, методологический империализм, политика.

Классическая формулировка Ф. Бэкона «scientia potentia est» до сих пор в наибольшей мере соответствует представлениям и ожиданиям в отношении естественных наук. В свою очередь, социально-преобразовательный потенциал знания об обществе в отечественном философском дискурсе обсуждается в основном в связи с проблемой социально-гуманитарной экспертизы технологических разработок в сфере *hard science*. Это обстоятельство указывает на то, что значение социогуманитарного знания зачастую сводится к выработке ценностных и мировоззренческих ориентиров собственно научного (по сути, естественно-научного) поиска. При этом функция социальных наук рассматривается как сугубо вспомогательная, в то время как их познавательные ресурсы как бы отходят на второй план. По-видимому, такое отношение сложилось вследствие того, что социальные науки в России во многом воспринимаются как та или иная версия предметно-специализированной социальной философии. Эта характеристика, как представляется, может быть справедливой по меньшей мере для тех теоретических областей постсоветской социальной науки, которые не являются полной калькой современных западных течений.

«Право и экономика»: предпосылки междисциплинарности

В этой связи особенно примечательно то, что западная социальная наука, при всем многообразии внутридисциплинарных исследований, все же ориентирована на предметную разработку практикоориентированного знания. В этом плане все большее внимание уделяется методологии междисциплинарного поиска. Ярким примером здесь выступает «право и экономика» – одно из наиболее успешных направлений в социальной науке, в рамках которого создана крепкая теоретическая платформа, позволяющая намечать ори-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-29-09178 «Анализ языка и междисциплинарность».

ентиры и разрабатывать рекомендации в области социальной политики. Формирование «права и экономики» в качестве самостоятельной субдисциплины дает богатый материал для эпистемологической рефлексии. Одним из привлекательных для методологов обстоятельств является то, что в рамках этого направления взаимодействуют уже как минимум три области социального знания – экономика, юридическая наука и психология. Иными словами, это чистый (и до сих пор редкий) случай междисциплинарности в социальной науке, который, несмотря на весь свой эвристический потенциал, выявляет также и существенные риски. Прежде чем перейти к обсуждению специфики практикоориентированного (экспертного) знания в «праве и экономике», следует бегло рассмотреть некоторые особенности междисциплинарного статуса этого направления.

Как известно, проблема правомерности и эпистемологических оснований расширения сферы применения экономического анализа на протяжении долгого времени является одной из наиболее обсуждаемых. Суть дискуссий здесь может быть выражена вопросом о том, действительно ли социальная онтология может быть смоделирована на языке экономики. Позиции в обсуждении этого вопроса варьируют между оправданием «методологического экюменизма» [1] и разоблачением «методологического империализма»¹. Остроту этому спору добавляет то, что в последние годы благодаря усилиям сторонников «поведенческой экономики» и при активном участии психологов эрозии подверглась теоретическая основа классической версии «права и экономики» – теория рационального выбора. Своего рода политическим выражением победы «фрондеров» стало присуждение Нобелевской премии в 2017 г. Ричарду Талеру за исследования в области поведенческой экономики.

Наблюдаемая трансформация экономической теории еще более обостряет проблему оснований междисциплинарного диалога для правоведения. Формирование союза с экономикой в классической версии «права и экономики» мотивировалось именно тем, что экономика предложила теорию рационального выбора как способ моделирования человеческого поведения и тем самым решила (по меньшей мере закрыла) для правоведов проблему «доступа к субъекту» [3]. Ключевой философской предпосылкой этого союза стало допущение того, что теория рационального выбора предлагает единый для права и экономики язык описания общества. Суть универсального подхода, по мнению одного из родоначальников «права и экономики», нобелевского лауреата Гэри Беккера, сводится к «совокупности допущений о максимизирующем поведении, рыночном равновесии, устойчивости предпочтений, используемой неуклонно и повсеместно» [4. Р. 4]. При этом другой американский экономист, Джек Хиршлейфер, отмечает, что «именно такое понимание оснований экономической методологии до сих пор способствовало ее проникновению на дисциплинарное поле других социальных наук. Однако нельзя не отметить, что подобного рода экспансионизм имеет и значимые эпистемологические преимущества: «именно аналитический аппарат науки экономики (такие понятия, как «дефицит», «издержки», «предпочтения», «возможности» и проч.) подкрепляет ее «империалистские» притязания.

¹ «Экономическим империализмом» называют «настойчивое стремление расширить сферу применения теории рационального выбора в предметном поле смежных с экономикой социальных дисциплин» [2. Р. 238].

Здесь важнее всего структурная композиция этих понятий, позволяющая сочетать различные, но взаимосоотнесенные уровни анализа – индивидуальный и социальный. Экономика в действительности предлагает универсальную грамматику социального анализа» [5. Р. 53].

Стоит отметить, что этот эпистемологический ресурс науки экономики был позитивно воспринят некоторыми правоведами (до сих пор преимущественно американскими), что позволило «праву и экономике» стать едва ли не универсальной программой, необходимой для решения широкого спектра собственно юридических задач – как сугубо прикладных (прогнозирование конкретных судебных решений), так и философско-правовых (разработка новых эффективных моделей правопонимания и правоприменения) [3]. Обобщая всю совокупность аргументов, можно сказать, что основным стимулом к интеграции с экономикой стала возможность преодоления «нормативной слепоты» правовой теории – обретения научного языка, способного фиксировать *реалии* ценностных предпочтений и значимых факторов мотивации социальных действий. Кроме того, экономический анализ предлагает наилучшее для юристов объяснение¹ социальных отношений и выступает предпочтительной альтернативой психологическому подходу². Ожидаемым следствием применения этого подхода видится большая эффективность правового регулирования, а также возможность правовой коррекции стимулов экономического поведения. К слову, правоведа – сторонники «права и экономики» само предназначение права видят как раз в «изменении стимулов» (*altering incentives*) поведения [7]. А потому в их понимании союз с экономикой оказывается ограничен задачам науки о праве.

Междисциплинарный поворот в науке о праве: трудности в обосновании

В этой связи нельзя не отметить, что междисциплинарный поворот в науке о праве знаменует новую веху в развитии этой дисциплины. Дело в том, что западное правоведение на протяжении долгого времени рьяно отстаивало принципы дисциплинарного суверенитета. Не случайно магистральным течением западного правоведения в XX в. оставался юридический позитивизм, в рамках которого идея самостоятельности науки о праве нашла развитие в разработке герметичного метода толкования правовых норм (большая заслуга здесь принадлежит Г. Кельзену). Поэтому неудивительно, что сохранение позиций юридического позитивизма требовало подтверждения обоснованности междисциплинарного поворота. В этой связи особенно любопытна статья классика «права и экономики» судьи Ричарда Познера, в которой он последовательно обосновывает нетривиальную идею о том, что междисциплинарное направление в целом соответствует принципам позитивистского анализа права [8]. И коль скоро юридический позитивизм считается правовой теорией *par excellence*, «право и экономику» также следует при-

¹ В той мере, в какой объяснение понимается как реконструкция «каузальной истории» (*causal history*) того или иного события [6].

² Мера адекватности здесь определяется познавательными установками исследователя: для правоведа предпочтительно объяснить рост преступности через связь с ростом безработицы – этого требует общий характер правоведческого анализа. Для психолога больший интерес может представлять осмысление индивидуальных биографий преступников.

знать полноценным направлением в правоведении, а отнюдь не выражением «колониальной политики» науки экономики.

Следуя этим путем, американский правовед Р. Познер отстаивает позицию о соответствии идеи экономического анализа права духу «чистого учения о праве» Г. Кельзена¹. Его тезис таков: совокупность правовых норм главным образом «распределяет полномочия» в решении правовых вопросов. При этом сама суть выносимых решений во многом зависит от судебской интерпретации норм, а она, в свою очередь, может быть мотивирована в том числе и принципом экономической целесообразности. Так, «...поскольку судья занимается, по сути, правотворчеством в ходе уточнения конкретных норм, его не должно смущать привнесение экономического в содержание новой нормы. Он может ошибиться, но он не окажется вне закона (he is not being lawless)» [8. P. 123]. Здесь стоит отметить, что при всем интеллектуальном изяществе этих аргументов они противоречат ключевому положению концепции Кельзена.

Стремясь обосновать преемственность между «чистым учением о праве» Г. Кельзена и «правом и экономикой», Р. Познер как будто игнорирует ключевую идею этого автора – утвердить дисциплинарную самостоятельность науки о праве на базе «чистого» метода интерпретации правовых норм. В соответствии с этим требованием юридическое толкование должно быть подчинено имманентным самому праву строго формализованным принципам – только такой подход позволяет обеспечить желанное единство применения правовых установлений. Правовед не может руководствоваться внеюридическими соображениями (скажем, интересами политической или экономической целесообразности), если этого напрямую не требует буква закона. Эпистемологическим выражением этой установки было, в частности, требование строгого разведения науки о праве и социологии права [9. P. 14] – стоит ли говорить о том, насколько чужда духу «чистого учения» установка на междисциплинарность?

И все же именно уязвимость аналогии, предложенной Р. Познером, позволяет предположить, что поиск позитивистских истоков в «праве и экономике» стимулировался стремлением предложить еще один весомый аргумент в пользу легитимности междисциплинарного поворота. Не случайно им демонстрируется методологическое соответствие исходных установок «права и экономики» общей позитивистской направленности науки о праве XX в. С учетом этого аргумент американского юриста можно считать скорее «политическим ходом», чем эпистемологической новацией. При этом создается впечатление, что Р. Познер выступает в качестве своего рода «дипломата-мироотворца», заверяющего противоположную сторону в соблюдении ее интересов, а вовсе не радикального «революционера», порывающего с традицией. Подобная мироотворческая установка обеспечивала достаточно сильную позицию в деле легитимации и «популяризации» нового направления среди весьма консервативного сообщества европейских правоведов. Во многом благодаря ей создалась ситуация, позволившая «праву и экономике» со временем закрепиться и в континентальной Европе. Кроме того, переориентация

¹ Заметим, что Г. Кельзена традиционно считают основоположником формального нормативизма в правоведении, однако это направление можно считать одной из разновидностей юридического позитивизма.

сторонников позитивизма демонстрировала, что смена доминирующих направлений в социальных науках не требует взаимной аннигиляции методологических оснований. Напротив, условием завоевания авторитета оказывается неперемнная отсылка к классикам, стремление обосновать собственную легитимность посредством демонстрации теоретической преемственности. В нашем же случае установка на верность традиции показывает, что междисциплинарный диалог выстраивается на паритетных началах и направляется не в последнюю очередь интересами самой науки о праве.

Экспертное знание и политическое реформирование

Несмотря на все перипетии, связанные с обоснованием этого союза, «право и экономика» достигло той фазы дисциплинарной институционализации, которая предполагает артикуляцию знания «вовне», разработку экспертных рекомендаций по социально-политическому реформированию. Ситуации, которые подлежат экспертному рассмотрению, главным образом бывают связаны с поиском оптимального способа размещения и использования общественных ресурсов. При этом наиболее существенно, что вопрос о распределении значимого ресурса не может быть разрешен чисто рыночным способом (сообразно готовности того или иного персонажа платить за такой ресурс), поскольку жесткая логика рынка нередко вступает в противоречие с устоявшимися общественными представлениями о благе и справедливости. А потому вопросы о регуляции такого рода распределения уже не могут решаться в границах чисто экономического подхода. Зачастую от их разрешения зависит сохранение легитимности существующих социальных институтов и, как следствие, поддержание консенсуса в обществе. Эти функции обеспечивает преимущественно система права – именно поэтому оказывается необходимым союз между экономистами и юристами.

Отсюда следует, что междисциплинарная кооперация становится неперменным условием усиления социально-преобразовательного потенциала научного знания. Теоретическая программа «права и экономики» сегодня применяется к анализу широчайшего круга проблем – от маркетинговых технологий до защиты природы. Универсалистские притязания этого междисциплинарного направления выражаются в том числе и в выработке рекомендаций (которые зачастую предстают едва ли не пошаговыми инструкциями) по политическому реформированию. В качестве примера хотелось бы привести два любопытных кейса о наиболее оптимальных моделях регуляции рынков наркотиков и донорских органов, описанных в книге экономиста Дж. Лейцеля «Принципы права и экономики: руководство для любознательных» [10]. Автор отмечает, что каждый из этих рынков отличают чрезвычайно высокий спрос и катастрофическая нехватка предложения. Последняя в известной мере обусловлена запретительным государственным регулированием¹. Это, в свою очередь, стимулирует экспансию «черных рынков» в этой области. Последствия, к которым приводит неэффективное управление в этих сферах, оплачиваются налогоплательщиками – здесь стоит вспомнить о тюрьмах, которые переполнены осужденными за хранение незначительных

¹ В книге речь идет о США, но данная проблема актуальна также для России и других стран.

доз опиатов¹, а также о системе здравоохранения, которая расходует колоссальные средства на поддержание пациентов, годами ожидающих пересадки донорских органов.

В качестве одного из перспективных путей борьбы с подпольным рынком донорских органов рассматривается стимулирование людей к принятию решения о добровольном посмертном донорстве. Это решение может поощряться разными способами – позитивными и негативными (радикально-негативный практикуется в Сингапуре, где люди, отказавшиеся стать донорами, автоматически попадают в конец очереди в том случае, если пересадка потребуется им самим). Важной мерой здесь может стать введение «правила по умолчанию», согласно которому государство обязывает граждан принять конкретное решение о донорстве органов в случае своей внезапной смерти. Такое решение может стать, например, обязательным условием получения водительских прав. Наряду с этим подобный регламент предусматривает возможность изменения решения в течение жизни. При этом важным его преимуществом оказывается то, что «правило по умолчанию» позволяет разрешить дискуссии об этической допустимости принятия решения за умершего родственника, а также создать единый реестр потенциальных доноров. Помимо прочего, «правило по умолчанию» призвано компенсировать «моральные страдания», сопряженные с болезненной темой собственной смерти. Однако же с точки зрения «права и экономики» преобладающие здесь поведенческие установки все же большей частью иррациональны – люди предпочитают попросту не принимать никаких решений и сохранить *status quo*, надеясь, что их эта проблема не затронет [11].

Характерно, что того же рода иррациональность является одним из главных зол и на рынке наркопотребления – ведь чем, как не желанием сиюминутного удовольствия и игнорированием отдаленных следствий, можно объяснить растущий спрос на наркотики? Как раз с позиций «права и экономики» подобного рода иррациональность отнюдь не воспринимается как случайное отклонение – в отличие от идеальной модели экономической рациональности, опирающейся на базовое эпистемологическое допущение неинституциональной экономической теории. Напротив, иррациональность индивида, принимающего экономические решения, отныне считается едва ли не нормой, а исследовательской задачей становится всестороннее рассмотрение его реальных мотивов – что открывает возможность прогнозирования наиболее вероятных исходов [12]. Именно поэтому в случае с рынком наркотиков речь, главным образом, ведется о том, как локализовать и направить иррациональный выбор таким образом, чтобы минимизировать последующий ущерб. Негативный эффект от такого рода иррациональности, полагает Лейцель, нельзя нейтрализовать иначе, как декриминализацией потребления наряду с оформлением государственных лицензий, предполагающих специальную медицинскую страховку, а также обязательное прохождение образовательного курса, который позволит потребителю получить полную и максимально адекватную информацию о вероятных рисках. Очевидно, что эта

¹ По подсчетам экономистов, общество терпит в целом большие убытки от содержания таких людей в тюрьмах, чем от последствий потребления ими наркотических средств. Кроме того, помимо материальных издержек, нельзя не учитывать негативного влияния криминогенной среды в тюрьмах, которая препятствует реализации задач исправительной системы.

либертарианская по своей сути идея является крайне уязвимой с этической точки зрения, а потому едва ли вызовет всеобщее одобрение. Соображения экономической целесообразности здесь вступают в конфликт со сложившимся стереотипом о преступном (а в глазах многих греховном) характере наркопотребления и необходимости борьбы за его тотальное искоренение. Тем не менее, несмотря на сильные моральные позиции борцов с наркотиками, экономическая максима «спрос рождает предложение» точнее характеризует реальное положение дел, обозначая перспективу регулирования столь специфического спроса через преобразования в сфере предложения. Кроме того, скепсис в отношении такой модели реформы несколько умеряется дополнительным преимуществом, поскольку она еще предлагает разумное решение проблемы потребления суррогатов.

Приведенные примеры показывают, что установки «права и экономики» позволяют заниматься разработкой экономически целесообразных решений наиболее острых и дискуссионных общественных проблем. Принципиальная неразрешимость этических дискуссий здесь снимается переводом рассмотрения проблемы в плоскость экономического анализа. Более того, из приведенных выше примеров видно, что предлагаемые решения подаются едва ли не в форме инструкций, готовых рецептов, которые осталось лишь облечь в правовую форму, чтобы добиться желаемого результата. Заметим, что рецептурность экспертного знания, по мнению многих исследователей, является его неотъемлемой чертой. Как полагают известные социологи Г. Коллинз и Р. Эванс, «...потребителей научного знания, в отличие от его производителей, не интересует свойственный этому знанию элемент неопределенности» [13. С. 246]. Кроме того, «решения, затрагивающие публичные интересы, должны быть приняты в строго установленное заказчиком время. А значит, это должно произойти еще до того, как осядет пыль от научных дискуссий, поскольку динамика политической повестки значительно выше скорости достижения научного консенсуса» [13. Р. 241]. Это обстоятельство позволяет заключить, что в режиме тесного взаимодействия со сферой политики наука оказывается в своеобразной ловушке. Ученые более не располагают достаточным временем для проверки своих гипотез, а их выводы, обретая «рецептурную» форму, высвобождаются от эпистемологически значимых ограничений. А потому экспертное знание уже не удовлетворяет в полной мере статусу научного, что тем не менее не мешает ему использовать признанный за наукой статус «фабрики истин». В случае с социальными науками обретенная таким образом легитимность может использоваться еще и в качестве политического ресурса, способствующего продвижению тех или иных властных решений.

Можно полагать, что, несмотря на указанные особенности, заинтересованность «информационного общества» в компетентной экспертизе, по-видимому, будет только возрастать. В этой связи стимулом к развитию междисциплинарных связей (прежде всего в социальных науках) становится именно общественный запрос на знание, способное обозначить перспективное направление политических реформ. При этом синтетический характер знания, получаемого в ходе междисциплинарного взаимодействия, по-видимому, призван отчасти компенсировать недостатки присущей ему рецептурной формы, выводящей его за рамки строго научного дискурса. Таким образом, проблемы развития междисциплинарности и разработки экспертно-

го знания могут быть прояснены при условии их рассмотрения во взаимосвязи. Как представляется, такого рода рассмотрение открывает большие исследовательские перспективы в сфере социальной эпистемологии.

Литература

1. *Jackson F., Pettit P.* Program Explanation: A General Perspective // *Analysis*. 1990. Vol. 50, № 2. P. 107–117.
2. *Mäki U.* Explanatory Ecumenism and Economics Imperialism // *Economics and Philosophy*. 2002. Vol. 17, iss. 2. P. 235–257.
3. *Калабреззи Г.* Будущее права и экономики : Очерки о реформе и размышления / пер. с англ. И.В. Кушнareвой; под науч. ред. М.И. Одинцовой. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 304 с.
4. *Becker G.* The Economic Approach to Human Behavior. Chicago : University of Chicago Press., 1976. 314 p.
5. *Hirschleifer J.* The Expanding Domain of Economics // *The American Economic Review*. 1985. Vol. 75, № 6. P. 53–68.
6. *Jackson F., Pettit, P.* Structural Explanation in Social Theory // *Reduction, Explanation, and Realism* / ed. by D. Charles, K. Lennon. Oxford : Clarendon Press, 1992. P. 97–131.
7. *Posner R.* The Economic Approach to Law // *Texas Law Review*. 1975. Vol. 757. P. 757–782.
8. *Posner R.* Kelsen, Hayek, and the economic analysis of law. 2001. URL: <http://users.ugent.be/~bdpoorte/EALE/posner-lecture.pdf> (дата обращения: 17.05.2016).
9. *Kelsen H.* Introduction to the Problems of Legal Theory. Oxford : Clarendon Press, 1992. 216 p.
10. *Лейцель Дж.* Принципы права и экономики : руководство для любознательных / пер. с англ. И.В. Кушнareвой; под науч. ред. М.И. Одинцовой. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 416 с.
11. *Sunstein C.R.* Deciding by Default // *Sunstein, C.R.* Choosing not to Choose. Understanding the Value of Choice. New York : Oxford University Press, 2015. P. 25–52.
12. *Jolls C., Sunstein C.R., Thaler R.* A Behavioral Approach to Law and Economics // *Stanford Law Review*. 1998. Vol. 50. P. 1471–1550.
13. *Collins H.M., Evans R.* The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // *Social Studies of Science*. 2002. Vol. 32, № 2. P. 235–296.

Liana A. Tukhvatulina, Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation).

E-mail: spero-meliora@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 95–103.

DOI: 10.17223/1998863X/46/11

INTERDISCIPLINARITY AND EXPERT KNOWLEDGE: A CASE OF “LAW AND ECONOMICS”

Keywords: interdisciplinarity; expert knowledge; law and economics; social epistemology; methodological imperialism; politics.

The author discusses some aspects of interdisciplinary cooperation between law and economics. She argues that this cooperation has its own social purpose to develop an expert knowledge which is to be used as a source for political reforming. The author claims that interdisciplinarity in social sciences should be considered as an essential condition for the development of this sort of knowledge. She analyzes some epistemological issues of interdisciplinary collaboration in law and economics, namely, whether it should be considered as a bilateral dialogue or as an attempt of methodological invasion of economics into the field of law. In this respect, the author discusses some arguments provided by the supporters of so-called “methodological ecumenism” and “methodological imperialism”. She argues that the expansion of the domain of economics should be understood as an attempt to create a unified social ontology. In this respect, she discusses the ideas of Gary Becker and Jack Hirschleifer who advocated the principle that “the social universe is written in the language of economics”. The author also considers the arguments by Richard Posner in support of a bilateral dialogue between economics and law. It is shown that Posner aimed to find epistemological links between “law and economics” and legal positivism. These links were supposed to prove the unconventional idea that cooperation with economics corresponds to the principles of legal positivism (namely, with the “pure theory of law” by Hans Kelsen). The author shows that Posner’s idea is built upon a misunderstanding of “pure theory”,

particularly, of the strict separation of sociology of law and “pure theory”. That is why the author assumes that Posner provided his arguments only for political (not epistemological) purpose (for “law and economics” legitimization). Despite the regular theoretical debates on the foundations of “law and economics”, this direction has already succeeded in the domain of expert knowledge. The author discusses two cases devoted to the problems of opiate and transplantation market regulation. The author considers these cases within the frame of expert knowledge which is to be used as a basis for political decisions. The author considers the specifics of expert knowledge in accordance with the ideas of Harry Collins and Robert Evans. She claims that expert knowledge in social sciences tends to be used as a guide for political reform – that is why it is supposed to be free from some relevant epistemological restrictions. In this respect, it seems to be reasonable to consider the issues of interdisciplinary cooperation in correspondence with the issues of expert knowledge.

References

1. Jackson, F. & Pettit, P. (1990) Program Explanation: A General Perspective. *Analysis*. 50(2). pp. 107–117. DOI: 10.1093/analys/50.2.107
2. Mäki, U. (2002) Explanatory Ecumenism and Economics Imperialism. *Economics and Philosophy*. 17(2). pp. 235–257.
3. Calabresi, G. (2016) *Budushchee prava i ekonomiki. Ocherki o reforme i razmyshleniya* [The Future of Law and Economics. Essays in Reform and Recollection]. Translated from English by I.V. Kushnareva. Moscow: Gaidara Institute.
4. Becker, G. (1976) *The Economic Approach to Human Behavior*. Chicago: University of Chicago Press.
5. Hirschleifer, J. (1985) The Expanding Domain of Economics. *The American Economic Review*. 75(6). pp. 53–68.
6. Jackson, F. & Pettit, P. (1992) Structural Explanation in Social Theory. In: Charles, D. & Lennon, K. (eds) *Reduction, Explanation, and Realism*. Oxford: Clarendon Press. pp. 97–131.
7. Posner, R. (1975) The Economic Approach to Law. *Texas Law Review*. 757. pp. 757–782.
8. Posner, R. (2001) *Kelsen, Hayek, and the economic analysis of law*. [Online] Available from: <http://users.ugent.be/~bdpoorte/EALE/posner-lecture.pdf>. (Accessed: 17th May 2016)
9. Kelsen, H. (1992) *Introduction to the Problems of Legal Theory*. Oxford: Clarendon Press.
10. Leitzel, J. (2017) *Printsipy prava i ekonomiki: rukovodstvo dlya lyuboznatel'nykh* [Concepts in Law and Economics: A Guide for the Curious]. Moscow: Gaidara Institute.
11. Sunstein, C.R. (2015) Deciding by Default. In: Sunstein, C.R. *Choosing not to Choose. Understanding the Value of Choice*. New York: Oxford University Press. pp. 25–52.
12. Jolls, C., Sunstein, C.R. & Thaler, R. (1998) A Behavioral Approach to Law and Economics. *Stanford Law Review*. 50(1471). pp. 1471–1550. DOI: 10.2307/1229304
13. Collins, H.M. & Evans, R. (2002) The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience. *Social Studies of Science*. 32(2). pp. 235–296. DOI: 10.1177/0306312702032002003